

Носорог за бортом

В последний раз об опере Большого театра

Алексей Парни

омните, в фильме Феллини на оперном корабле несут носорога — не то живого, не то чучело, не то реквизит? Это и есть опера как жанр: громоздкая, неповоротливая, а все равно претя мошным корпусом и затоптанное пространство. И между прочим непотопляемая, как носорог.

Опера Большого театра. После того как мои высокочтимые коллеги Татьяна Кузнецова и Валентин Гавевский оккупировали дуговым вторым балетные горизонты первой стеной страны («Сегодня» № 121), не пора ли сказать последнее прости и оперному кораблю Большого?

Главное — понять, продолжает ли корабль топнуть или уже начал всплывать. Конечно, для нас, уважаемая публика и уважаемые коллеги критики, это умоулаживание важно скорее теоретически, чем практически: там товарищи посещаются, решат своим коллективным разумом, как поступить с носорогом, а наше мнение так и останется при нас. Но решение сей сложной дилеммы не оставит нас с пустыми руками: творческие выкладки помогут ориентироваться в мечтаньях, прогнозах, ожиданиях. Любая определенность лучше неопределенности.

Если признать, что благодаря решительным действиям Владимира Коконина, которые можно только приветствовать, корабль уже начал всплывать, любые мелкие заглазки покажутся спасительными: ну да, переведут всех на контракты, поставят в следующем сезоне, может быть, добротную «Свадьбу Фигаро» и (как знать?) небезытересную «Хованщину», бросятся переоборудовать под филиал близлежащее помещение — и там что-то выжить и лудить. Да мы с вами первые, любезная публика, услышав Моцарта на сцене Большого в приличном виде, боюсь, расчувствуемся и сразу же забудем, что находимся на тонущем корабле.

Но на самом-то деле корабль начнет всплывать только тогда, когда после утрясения всех оргвопросов — или синхронно с оным — будет сформулирована хотя бы ичерне творческая программа Нового Большого. Никакие коллективные проговоры, обсуждения, ток-шоу ничего не дадут: искусство (вынужден опять промышлять троизмами, простите великодушно!)

...Быть может, недалеко то время, когда эта национальная опера возвратит себе свое законное место: Большой театр будет то же, что Le Grand Opera в Париже... Так хочется верить по крайней мере, и есть повод верить по тому, что в последнее время сделано для русской оперы. Аполлон Григорьев. Журнал «Эпоха», 1864

зависит от поли и потенции отдельной личности.

Новый Мариинский начался тогда, когда Гергиев показавшись-показавшись под ношей и рылком лезл в художественного руководства. Еще далеко не все устраивает в этом театре публику, критику и, что важнее, самого Главного, которому не посидит удастся в выборе режиссеров удерживать высокую планку, но факт остается фактом: Новый Мариинский как художественная единица уже существует.

«Новая Опера» в Москве, бездомное дитяще Евгения Колобова, тоже обнаруживает завидную жизнеспособность именно благодаря художественной индивидуальности Главного. Тут с режиссурой вообще из рук вон, тут живут по большей части концертными исполнениями, — а творческая энергия, претворенная в музыкальную материну, шлет людей именно сюда, создает зримый театр из незримых композиций.

Новый Залыбург начался, когда туда пришел Жерар Мортье. Новая «Опера Бастий» начнется с будущего сезона, когда на пост Главного заступит Юг Галь. Новая Мюнхенская опера началась, когда Питер Джонас решил покинуть Английскую национальную оперу и ни к кому-то время связать себя с баварской столицей. Я называю имена людей, которые составляют сегодня цвет европейской интеллигенции и превращают своими стараниями оперный жанр из деликатес в правильно выпеченный ржаной хлеб. В их руках носорог оказывается живым и прыгучим, как горная козочка, и, что удивительно, самая буржуазная публика начинает есть хлеб из рук реформаторов и помирять от восторга перед новой эстетикой. Поставим жирный вопросительный знак у фамилии Коконина как лидера Нового Большого — и отправимся в область мечтанья.

Перенесемся на год вперед. Коллекция Нового Большого в течение сезона не показывалась на публике: старые спектакли признали наконец-то позорными «честь и достоинство», хор, оркестр и ипучно приглашенные певцы рететировали под покровом тайны серию премьер и возобновлений. На сцене Большого все это время гастролировали Новый Мариинский и «Новая Опера», кое-какие театры из провинции, случались сольные концерты своих и чужих знаменитостей. И вот открытие Нового Большого: критика со всего мира, вспыхив, улыбки, фразы и декоры.

Премьеры как из рога изобилия! «Жизнь за царя», «Юдифь», «Опричник», «Леди Макбет Мценского уезда», «Норма», «Тристан и Изольда», «Святой Франциск Ассизский». Парад певцов: Образцова и Гулегина, Лукьянец и Казарновская, Касрашвили и Бородин, Атангов и Галузин, Чернов и Хворостовский,

Лейферкус и Кочерга. Глаза разбегаются. А кто за пультом? Гергиев и Колобов, Ясонец и Темирганов, Кипанко и Бычков, Бражник и Борейко! Неужели правда? Художники: Бархин и Боровский, Вондер и Лазарилес, Херрман и Гейдсбрехт. Сойти с ума! Режиссеры: Гинкас и Яновская, Селларе и Стрелер, Виктюк и Фоменко. Тпррр! Любознательный читатель, мы презались с размаху в плотно закрытую дверь действительности. Кроме того, я лекстатно вспомнил, что несколько лет тому назад, когда Лазарева назпачили художником Большого, я писал нечто подобное, эйфорическую околеснну в кислотно-желтом стиле, для минютигражи Старого Большого, мечтал о светлом будущем. Перечитывать теперь стыдно, седими в голове прибавляется, а ума — ничуть!

Ликвидировать последствия национальной катастрофы, какой является гибель Большого театра как культурной институции, конечно, проще, чем сражаться с экологическими кошмарами. Но от такого сравнения оптимизма не прибавляется. Может быть, учитывая нечеловеческую энергию Гергиева, надо бухаться ему в ноги и просить вывозить два театра вместе, два императорских в одной упряжке? Может быть, только высочайший парит способен прекратить все распри разом и заставить людей икалываться?

Но, как и в случае экологической катастрофы, одним денег здесь мило: сколько ни вбухивай тысяч долларов в самые дорогие декорации, сколько ни плати гонораров наслех подобранным, пусть даже очень звездным составам, искусство не перестает в эти стены, оскверненные ложью. Оно неретается только тогда, когда одухотворенный, как Мортье, талантливый, как Дягилев, знающий, как Джонас, человек наплетет на красивый штюф номенклатурных кабинетов Большого и, засучив рукава, скажет: «За работу!»

«Э, батенька, — возразит мне любезная публика, — да ты как Атафя Тихоновна, тебе и того и чего подавай. Перебьешься». Публика, как известно, всегда права, а это значит, что все мы в конечном счете останемся с носом. Поэтому попрощаемся с кораблем Большого уже сегодня. Национальная опера, о которой мечтал еще Аполлон Григорьев, непременно возродится, но, по-видимому, в другом месте.

